

SANJIN KODRIĆ

Književna prošlost i poetika kulture

(Teorija novog historicizma
u bosanskohercegovačkoj književnohistorijskoj praksi)

BIBLIOTEKA BOSNISTIKA | MONOGRAFIJE

B

KNJIGA 2

SANJIN KODRIĆ
KNJIŽEVNA PROŠLOST I POETIKA KULTURE
(Teorija novog historicizma u bosanskohercegovačkoj
književnohistorijskoj praksi)

© Slavistički komitet i Sanjin Kodrić; prvo izdanje, 2010.

Sva prava pridržana. Nijedan dio ove publikacije ne smije se umnožavati na bilo koji način ili javno reproducirati bez prethodnog dopuštenja izdavača i autora.

Izdavač

Slavistički komitet, Sarajevo

Filozofski fakultet u Sarajevu, F. Račkog 1, Sarajevo, BiH

tel. (+387) 33 253 170 e-mail info@slavistickikomitet.ba

www.slavistickikomitet.ba

Izdavački savjet Biblioteke *Bosnistika* – Književnost i kulturalne studije
Đenana Buturović, Enes Duraković, Dejan Đuričković, Sanjin Kodrić,
Zvonko Kovač, Nazif Kusturica, Munib Maglajlić, Angela Richter,
Fahrudin Rizvanbegović, Elbisa Ustamujić, Bogusław Zieliński

Glavni urednik

Senahid Halilović

Urednica

Adijata Ibrišimović-Šabić

Recenzenti

Nihad Agić

Enes Duraković

Fahrudin Rizvanbegović

Sanjin Kodrić

Književna prošlost i poetika kulture

(Teorija novog historicizma
u bosanskohercegovačkoj
književnohistorijskoj praksi)

Sarajevo, 2010.

B

KNJIGA 2

SADRŽAJ

I.

Teorija i praksa novog historicizma:

Mogućnosti bosanskohercegovačkog razumijevanja. 9

Teorijski problem i njegova praksa: Uvodna bilješka. 11

II.

Teorija novog historicizma: Jedno metodološko razmatranje 23

Novi historicizam: Književnost u historiji, kulturi i politici 25

III.

Novohistoricistička praksa: Dva bosanskohercegovačka primjera 127

Književnost i kultura historije u jugoslavenskom socijalizmu:

Književnoteorijski i književnohistorijski modeli izučavanja
(S uvidom u slučaj *Djelidbe* S. Kulenovića i njezine recepcije) 129

Nevolje s kanonom: Slučaj bosanske i/ili bošnjačke književne historije
(Na primjeru okolnosti i karaktera ranog kanonizacijskog rada
M. Begića) 151

Izvori i literatura 177

Rezime 191

Summary 195

Резюме 199

Indeks važnijih imena 205

O autoru 211

Rezime

Aktuelna bosanskohercegovačka znanost o književnosti, a posebno u ovom kontekstu inače tradicionalno dominantna književnohistorijska praksa, neminovno se suočava s najmanje dva temeljna izazova: prvi je stalna potreba istinskog uključenja u savremene književnoznanstvene tokove, dok je onaj drugi nužnost konačno potpunijeg znanstvenog sistematiziranja i prezentiranja cijele jedne još uvijek nedovoljno poznate i umnogome neispitane književne prošlosti, koja, pak, predugo čeka da bude cjelovitije istražena. Štaviše, i ono što nam je o prošlosti bosanskohercegovačke, a naročito bošnjačke („bosanskomuslimanske“) književnosti i ovdašnjeg književnog života manje ili više poznato i samo traži preispitivanja, pogotovo uzmu li se u obzir one mogućnosti znanstvenih proučavanja koje nudi savremeni teorijski trenutak. Upravo zato, ova knjiga kao cjelina i tiče se onog što su mogućnosti teorije novog historicizma u bosanskohercegovačkoj književnohistorijskoj praksi, utoliko prije što je autor mišljenja da upravo (i) novi historicizam ima tu potrebnu snagu da na jednom mjestu udruži ono dvoje što je, uz neke druge elemente, vjerovatno najpotrebnije bosanskohercegovačkoj znanosti o književnosti u trenutku kad – kako se čini – konačno završava potrebne pripreme za potpuniji odgovor na zane mareno književno naslijeđe, a to su, naime, međusobno skladno spojena najutjecajnija dostignuća savremene teorije i postojana, ali i sama savremena i aktuelna književnohistorijska svijest.

U ovoj knjizi, otud, autor se bavi dvama blisko povezanim užim problemskim područjima: temeljnim teorijskim značajkama novog historicizma, savremene izvorno američke književnoteorijske „škole“, s jedne strane, dok je, s one druge, pokušao ovo savremeno teorijsko usmjerenje angažirati u oblasti historijskog proučavanja književnosti i književnog života BiH. U tom smislu, knjiga je na izvjestan način dvo- ili, čak, tropredmetna. Gledano iz perspektive tradicionalne književnoznanstvene podjele na teoriju književnosti, historiju književnosti i književnu kritiku, interes knjige, s jedne strane, dominantno je teorijski, te u tom segmentu knjiga predstavlja studiju čiji je cilj da – na način koji je autor smatrao najpodesnijim – ponudi cjelovitije ili, pak, vlastito razumijevanje onog što bi se moglo razumjeti kao ključne „metodološke“ odrednice novog historiciz-

ma. Uporedo s ovim, s druge strane, u drugom problemskom području knjige, autor je nastupio – u tradicionalnom smislu barem – manje kao književni teoretičar, a više kao historičar književnosti, koji, međutim, sad s iskustvom novohistoricističkog razumijevanja književnih i kulturnih pojava iz dalje ili nešto bliže prošlosti, pokušava iskoristiti temeljne postavke novohistoricističkog čitanja književnosti i kulture nekadašnjih vremena u oblasti proučavanja književnosti i književnog života BiH. S tim u vezi, ovaj segment knjige nije, ipak, tek egzemplaran ili ilustrativan, već je na osnovi dvaju primjera iz bosanskohercegovačke književnosti i ukupnog književnog života imao za cilj da pokaže to da li su i, ako jesu, kako su moguća novohistoricistička razumijevanja različitih književnih pojava mimo onog predmetnog područja kojim se bavi američki novi historicizam i, naravno, izvan konteksta američke književne akademske zajednice. Zato su i čitanja dvaju primjera iz bosanskohercegovačke književnosti i književnog života istovremeno i dvije nove studije, i same radovi istraživačkog karaktera, potaknuti upravo novohistoricističkom željom za otkrivanjem nečeg novog i drugačijeg, dotad nepoznatog, ili shvatanog na neki drugačiji način. Izbor ovih dvaju primjera iz književnosti i književnog života BiH, pak, određen je uvjerenjem da su, uz čitav niz drugih, sličnih mogućnosti, upravo ova dva primjera kojima se autor bavi dovoljno zanimljivi i važni da im se u ovoj knjizi dodijeli status oglednih studija iz novohistoricističke prakse.

Ovakvo što sve zajedno, kao autoru važna perspektiva iz koje je pisao knjigu, uvjetovalo je, otud, i perspektivu njegova razumijevanja novog historicizma, u studiji koja je s razlogom naslovljena kao *Novi historicizam: Književnost u historiji, kulturi i politici*. Na ovom mjestu novom historicizmu autor je pristupio, dakle, sa željom ne da proučava, recimo, to kako su se američki novi historičisti bavili onim što je njihov predmet izučavanja (to su najčešće brojna shakespeareološka pitanja ili pitanja u vezi s književnošću i kulturom engleske renesanse) već je njegov interes prvenstveno bio usmjeren ka onome što je – najjednostavnije govoreći – zanimljivo, poetično ili potrebno jednom bosanskohercegovačkom proučavaocu i proučavateljici, opet, bosanskohercegovačke književnosti (ili nekih njezinih sastavnica – bošnjačke, bosanskohercegovačke ili bosanskohercegovačke književnosti, jevrejske književne tradicije u BiH i sl.) u konkretnom a na savremenim književnoznanstvenim postavkama zasnovanom činu razumijevanja današnjih književnih pojava i procesa. Ovakva metodološka perspektiva, s druge strane, odredila je i konkretna pitanja te način na koji se njima bavio autor, pri čemu se u spomenutoj studiji najviše zanimalo ne, ponovo, prvenstveno položajem novog historicizma u samoj američkoj teoriji već

u savremenoj teoriji uopće, utoliko prije što se autoru – s obzirom na bosanskohercegovački kontekst iz kojeg piše – novi historicizam nije ukazao nužno samo kao dio američkih književnoznanstvenih zbivanja, već, zapravo, prije svega kao šira pojava savremene teorije, kao segment širih teorijskih pojava i procesa, zbog čega ih je onda u tom kontekstu i posmatrao.

Književnost i kultura historije u jugoslavenskom socijalizmu: Književnoteorijski i književnohistorijski modeli izučavanja (S uvidom u slučaj „Djelidbe“ S. Kulenovića i njezine recepcije) prva je ogleđna studija iz novohistoricističke prakse u knjizi, a u osnovi tiče se još uvijek gotovo minimalno istražene bosanskohercegovačke književne i ukupne kulturalne situacije neposredno nakon Drugog svjetskog rata te u vremenu koje potom slijedi, a kad je književnost, kao i ukupna kultura u društvenim okvirima jugoslavenskog socijalizma, imala, istina, uveliko povlašten status, ali, također, i određene, ideološki angažirane obaveze i dužnosti. Sličnu poziciju, međutim, imala je i književna znanost, koja je u pravilu imala mogućnost ili da osluškuje, naslućuje i vjerno slijedi političke direktive jugoslavenskog poratnog režima i njegova društva ili, pak, da, ukoliko ne može pristati na ulogu partijskog medija i cenzora, pronađe osobite načine izbjegavanja društvenih zahtjeva i zadataka, a zapravo da oscilira između vlastitih znanstvenih i sličnih uvjerenja i javnih, državnih vjerovanja, što bitno određuje interese ove studije. U ovom radu autor se zato bavi skandaloznim slučajem recepcije drame *Djelidba* (1947) Skendera Kulenovića, koja je, nakon praizvedbe na sceni današnjeg Narodnog pozorišta u Sarajevu u februaru mjesecu 1948, odmah uklonjena s repertoara zbog svoje – kako se vjerovalo – ideološke nepoćudnosti, na što je, međutim, onovremena, ali i kasnija bosanskohercegovačka i jugoslavenska književna znanost reagirala na vrlo zanimljiv i znakovit način. U radu, pritom, autor se bavi i njezinim odgovorom, ali, s tim u vezi, i samom Kulenovićevom dramom, uključujući i njezinu drugu verziju, iz 1957.

Nevolje s kanonom: Slučaj bosanske i/ili bošnjačke književne historije (Na primjeru okolnosti i karaktera ranog kanonizacijskog rada M. Begića) druga je ogleđna studija iz novohistoricističke prakse u knjizi, u kojoj se autor bavi jednim drugim, iako – u poređenju s prethodnim – dosta bliskim problemom: ukupnim prilikama i obilježjima samog početka savremene kanonizacije bosanskohercegovačke i/ili bošnjačke književnosti, procesom što se dešava također u naroćitim uvjetima jugoslavenskog socijalizma, a zapoćinje u vrijeme kraja šezdesetih i početka sedamdesetih godina 20. st., pri ćemu, naćalost, nije dovršen u cijelosti ni do danas. Uprkos bezrezervnoj vjeri u književnu historiju u bosanskohercegovaćkoj književnoj

akademskoj zajednici, ni do danas književnost i književni život BiH nisu znanstveno obrađeni u okvirima kakve cjelovite historije književnosti, a to se odnosi i na historije književnosti Bošnjaka, bosanskih Hrvata i bosanskih Srba, a zapravo na onaj stvarni faktor koji postavlja niz pitanja: da li i kako postoji bosanskohercegovačka književnost, u kakvom je ona odnosu s bošnjačkom, bosanskohrvatskom i bosanskosrpskom književnošću te s hrvatskom i srpskom književnošću uopće itd., mada su i obratna pitanja posve moguća: da li i kako postoji npr. bošnjačka, bosanskohrvatska i bosanskosrpska književnost i kakav je onda njihov odnos prema bosanskohercegovačkoj, na jednoj, te prema općenito hrvatskoj i srpskoj književnosti, na drugoj strani. A na takvoj osnovi javlja se i još jedno pitanje: da li je i zašto moguća te potrebna historija bošnjačke, bosanskohrvatske, bosanskosrpske te bosanskohercegovačke književnosti, i kakva bi ona trebala biti, što je, pak, sve zajedno pretpostavka za središnju dilemu: Da li, u uvjetima nepostojanja pisane cjelovite historije bilo koje od spomenutih književnosti unutar BiH, postoji bilo kakav oficijelni književni kanon veziv za neku od bosanskohercegovačkih književnih razina? Bosanskohercegovačka znanost o književnosti, svakim svojim naraštajem književnih znanstvenika, u niz navrata i tokom nekoliko decenija pokušavala je dati odgovore na ova pitanja, a oni nikad nisu bili posve istovjetni, mada su, dakako, uočljive i brojne podudarnosti. Sve to autoru je izgledalo naročito interesantno, ali i važno s današnje tačke gledišta u povodu pitanja postojanja bošnjačke književnosti te njezina odnosa prema bosanskohercegovačkoj, bosanskohrvatskoj i bosanskosrpskoj, kao i prema široj hrvatskoj i srpskoj književnosti. Upravo tim problemom konstituiranja te karaktera potencijalnog bosanskohercegovačkog i/ili bošnjačkog književnog kanona, sagledanog prema njemu susjednim „ko-kanonima“, a s obzirom na vrlo složene okolnosti jugoslavenskog socijalizma, pozabavila se, otud, druga ogleđna novohistoricistička studija u ovoj knjizi, koja se posebno odnosi na rani kanonizacijski rad Midhata Begića, na svojevrsan način začetnika savremenog procesa kanonizacije ovdašnje književnosti.

Summary

Present-day Bosnian-Herzegovinian literary studies, and particularly the literary-historical practice traditionally dominant in this context, are unavoidably facing at least two fundamental challenges: a constant need for true involvement in contemporary currents of literary studies in general and the necessity of what would finally be a more complete scholarly systematization and presentation of one entire, still insufficiently known and largely unexamined literary legacy, whose fuller exploration has been delayed for too long. Moreover, what is more or less known about the Bosnian-Herzegovinian, and particularly Bosniak ("Bosnian-Muslim") literary past and the local literary life is in need of re-examination, especially when the potentials of literary studies unlocked by the contemporary theoretical moment are taken into account. It is for this reason that the book deals with theoretical potentials of New Historicism in Bosnian-Herzegovinian literary-historical practice, the more so because the author holds the opinion that it is (also) New Historicism that possesses the required capacity to combine in one place the most important and harmoniously interconnected achievements of contemporary theory and a stable, but contemporary and topical literary-historical awareness, both of which are, among other elements, probably the two factors of greatest importance for Bosnian-Herzegovinian literary studies in the moment when they appear to finalize all the necessary preparations for a more comprehensive response to widely neglected Bosnian-Herzegovinian literary legacy.

In this book, hence, the author deals with two closely related specific problem areas: the basic theoretical traits of New Historicism, a contemporary 'school' of literary theory of American origin, on the one hand, while attempting, on the other, to engage this contemporary theoretical orientation in the field of historical study of literature and literary life in Bosnia-Herzegovina. In this sense, the book touches on two, or even three major subjects. Viewed from the perspective of the traditional division of literary studies into theory of literature, history of literature and literary criticism, the interest of this book is, on the one hand, predominantly theoretical, the section in which the book constitutes a study whose aim is to offer – in the manner the author finds the most appropriate – a more comprehensive and

original understanding of what could be recognized as key 'methodological' determinants of New Historicism. Parallel to this, on the other hand, in the second problem area of the book, the author assumes the role – at least in a traditional sense – of a literary historian rather than a theorist, this time possessing the experience of New-Historical understanding of literary and cultural phenomena from the distant or more recent past and attempting to employ basic premises of New-Historical reading of past literatures and cultures in the field of study of literature and literary life in Bosnia-Herzegovina. In relation to this, the section of the book is not merely exemplary or illustrative; its purpose, instead, is to use two examples from Bosnian-Herzegovinian literature and overall literary life in order to show whether and how New-Historical understandings of diverse literary phenomena are possible outside the subject area of American New Historicism and, of course, outside the context of American literary academic community. That is why the readings of the two examples from Bosnian-Herzegovinian literature and literary life are also two new studies, and research pieces as well, inspired by the New-Historical desire to discover something new and different, previously unknown, or understood in a different manner. The choice of the two examples from literature and literary life in Bosnia-Herzegovina is based on the belief that, along with a number of other similar possibilities, it is the two examples discussed by the author that are interesting and relevant enough to be granted the status of pilot studies of New-Historical practice.

All of this, as an important perspective from which the book has been written, has conditioned the perspective from which the author understands New Historicism, in the study which is for a reason entitled *New Historicism: Literature in History, Culture and Politics*. At this point, the author approaches New Historicism wishing not to study, for instance, the ways in which American New Historicists have dealt with their subject matter (most frequently various questions from the field of Shakespeare studies or questions pertaining to English Renaissance literature and culture) but to direct his interest to what is – in simplest terms – interesting and stimulating to, or simply necessary for a Bosnian-Herzegovinian researcher of Bosnian-Herzegovinian literature (or some of its constituents – Bosniak, Bosnian-Croatian or Bosnian-Serbian literature, Jewish literary tradition in Bosnia-Herzegovina etc.) in a concrete act of understanding past literary phenomena and processes, which is, however, founded upon contemporary tenets of literary studies. Such a methodological perspective, on the other hand, has determined concrete questions and modes

in which they are addressed by the author, whose primary interest is not the position of New Historicism in American theory alone, but in contemporary theory in general, all the more so because the author – given the Bosnian-Herzegovinian context from which he writes – has never seen New Historicism as being a part of American scene of literary studies exclusively, but primarily as a wider phenomenon in contemporary theory, as a segment of broader theoretical phenomena and processes, for which reason he views them in that context.

Literature and Culture of History in Yugoslav Socialism: Literary-Theoretical and Literary-Historical Models of Research (Case Study of 'Djelidba' by S. Kulenović and Its Reception) is the first pilot study of New-Historical practice in the book, addressing in substance still meagrely explored Bosnian-Herzegovinian literary and overall cultural state immediately after the Second World War and the ensuing period, when the literature, and the culture in general, within the social framework of Yugoslav socialism, had, truth be said, a privileged status, but also certain ideological engagements and duties. A similar position, however, was held by literary studies, which, by rule, had an option to either observe, anticipate and obediently follow political directives of the Yugoslav post-war regime and its society or, if they could not agree to the role of a party medium and censor, find particular modes of avoiding social demands and tasks, and, in fact, oscillate between their own scholarly convictions and public, official beliefs, which has significantly determined the interests of this study. In this chapter, therefore, the author discusses the scandalous case of the reception of the theatre piece *Djelidba* (1947) by Skender Kulenović, which, immediately after its premiere at the National Theatre in Sarajevo in February 1948, was removed from the repertoire due to its – as was believed – ideological objectionability. The reaction of Bosnian-Herzegovinian and Yugoslav literary criticism at the time, and later, was rather interesting and symptomatic, so – for this reason – the author discusses this response as well as Kulenović's drama itself, including its second version from 1957.

Troubles with Canon: The Case of Bosnian and/or Bosniak Literary History (Example of Circumstances and Character of Early Canonization Work by M. Begić) is the second pilot study of New-Historical practice in the book, in which the author discusses another issue, different from but closely related to the previous one: the overall circumstances and traits of the very beginning of the contemporary canonization of Bosnian-Herzegovinian and/or Bosniak literature, a process taking place under the specific conditions of Yugoslav socialism, having begun in the late 1960s and early 1970s,

but unfortunately remaining unfinished to this day. Despite absolute trust placed in literary history by the Bosnian-Herzegovinian literary academic community, literature and literary life in Bosnia-Herzegovina remain to this day scholarly untreated within the framework of an integrated literary history, which is also the case with the literary histories of Bosniaks, Bosnian Croats and Bosnian Serbs, or, in fact, the real factor posing a whole range of questions: Does Bosnian-Herzegovinian literature exist and how? How is it related to Bosniak, Bosnian-Croatian and Bosnian-Serbian literatures and to Croatian and Serbian literatures in general? However, the reverse questions are also possible: Do, for instance, Bosniak, Bosnian-Croatian and Bosnian-Serbian literatures exist and how are they related to Bosnian-Herzegovinian literature, on the one hand, or Croatian and Serbian literatures, on the other? In view of that, another question arises: Are Bosniak, Bosnian-Croatian, Bosnian-Serbian and Bosnian-Herzegovinian literary histories possible and why? What should they be like? Finally, all of this presupposes the central dilemma: Is there, in the conditions of total absence of a written integral history of each of the said literatures in Bosnia-Herzegovina, any sort of an official literary canon that might be related to one of the Bosnian-Herzegovinian literary strata? Bosnian-Herzegovinian literary studies, with every generation of their literary scholars, have for a number of times and for a few decades tried to provide answers to these questions, but they have never been completely equal, although many correspondences are evident as well. The author finds all of this extremely interesting and important from the contemporary point of view on the existence of Bosniak literature and its relation to Bosnian-Herzegovinian, Bosnian-Croatian and Bosnian-Serbian literatures, as well as Croatian and Serbian literatures in general. Therefore, it is exactly the problem of constitution and character of a potential Bosnian-Herzegovinian and/or Bosniak literary canon, seen in relation to its contiguous 'co-canons' and in view of the very complex circumstances of Yugoslav socialism, that is the subject of the second New-Historical pilot study in this book, which particularly examines the early canonization work by Midhat Begić, who could be seen as the originator of the contemporary process of the canonization of literature in Bosnia-Herzegovina.

Резюме

Актуальное боснийскогерцеговинское литературоведение и, особенно, в данном контексте традиционно доминантная литературно-историческая практика, неизбежно сталкиваются сегодня с наименее двумя фундаментальными вызовами: первым является постоянная потребность в истинном их включении в современные литературоведческие течения, а другим – необходимость окончательной, более полной научной систематизации и презентации целого одного, все еще недостаточно известного и, во многом, еще недостаточно исследованного литературного прошлого, долго ждавшего более целостного его исследования. Тем не менее, даже то, что о прошлом боснийскогерцеговинской, в частности босняцкой (“боснийско-мусульманской”) литературы и о литературной жизни более или менее нам известно, нуждается в пересмотре, особенно если взять во внимание возможности научных исследований, которых предоставляют современные теоретические воззрения. Именно поэтому настоящая книга, как целое, и касается того, что представляют собой возможности теории нового историцизма в боснийскогерцеговинской литературно-исторической практике, тем более потому, что автор этой книги думает, что именно (и) у нового историцизма есть та нужная сила, обеспечивающая на одном месте соединить две вещи, которые, вместе с некоторыми другими элементами, вероятно являются самыми необходимыми для боснийскогерцеговинского литературоведения в момент, когда, как кажется, наконец заканчиваются нужные подготовки для предоставления более полного ответа на вопрос, касающийся литературного наследия, оставленного без внимания – а это, значит – взаимно стройно соединенные самые влиятельные достижения современной теории и прочное, и, в то же время, так же современное и актуальное литературно-историческое сознание.

Поэтому, в настоящей книге автор прослеживает две, тесно связанные между собой, проблемные сферы: фундаментальные теоретические особенности нового историцизма, современной, американской по происхождению, литературно-теоретической “школы”, с одной стороны, а с другой стороны, он попытался данное современ-

ное теоретическое направление ангажировать в области исторического изучения литературы и литературной жизни Боснии и Герцеговины. В этом смысле, книга, определенным способом является дво-, даже трехпредметной. Если смотреть с точки зрения традиционного литературоведческого разделения на теорию литературы, историю литературы и литературную критику, то интерес книги, с одной стороны, превосходно теоретический, так что, в данном сегменте книга представляет собой исследование, чья цель – самым подходящим способом по мнению автора – предложить более целостные положения, или собственное понимание того, что бы могло рассматриваться в качестве ключевых “методологических” положений нового историцизма. Вместе с тем, с другой стороны, в другой проблемной области книги, автор выступил – хотя бы в традиционном смысле – менее как теоретик литературы, а более как историк литературы, который, однако, теперь с опытом новоисторического понимания литературных и культурных явлений из дальнего или более ближнего нам прошлого, пытается использовать фундаментальные положения новоисторического чтения литературы и культуры прошлых времен в области изучения литературы и литературной жизни Боснии и Герцеговины. В связи с тем, данный сегмент книги не является все-таки эгземплярным или иллюстративным, а, приводя два примера из боснийскогерцеговинской литературы и совокупной литературной жизни, ставит своей целью показать – возможны ли и, если возможны – то каким способом, новоисторические понимания различных литературных явлений, находящихся вне предметной области, которой занимается американский новый историцизм и, конечно, находящихся вне контекста американского литературного академического круга. Поэтому чтение двух примеров из боснийскогерцеговинской литературы и литературной жизни одновременно представляют собой два новых исследования, две работы исследовательского характера, побужденных именно новоисторическим желанием открытия чего-то нового и иного, до сих пор неизвестного, или понимаемого иначе. Выбор данных двух примеров из литературы и литературной жизни Боснии и Герцеговины, однако, определен уверением автора что, наряду с множеством других, похожих возможностей, именно эти два примера, которыми он занимается, достаточно интересны и важны, чтобы получить в книге статус очерковых исследований новоисторической практики.

Вышеприведенное, все вместе, в качестве очень важной для автора позиции, из которой он писал свою книгу, обусловило и позицию его понимания нового историцизма, в исследовательской работе не без основания названной *Новый историцизм: Литература в истории, культуре и политике*. В данном разделе, к новому историцизму автор подошел, значит, не с желанием изучать, например, каким способом американские новые историцисты занимались своим предметом исследования (а чаще всего их предметом являются многочисленные вопросы шекспирологии или вопросы, связанные с литературой и культурой английского Возрождения) – интерес автора прежде всего был направлен на то, что – проще говоря – интересно, что является побуждающим или нужным для боснийскогерцеговинских исследователей, изучающих боснийскогерцеговинскую литературу (или ее составляющие – босняцкую, боснийско-хорватскую или боснийско-сербскую литературы, так же еврейскую литературную традицию в Боснии и Герцеговине и т. п.) в конкретном, на современных литературоведческих положениях основанном акте понимания давних литературных явлений и процессов. Такая методологическая позиция, с другой стороны, определила и круг конкретных вопросов и способ и приемы обсуждения автором этих вопросов, при чем в вышеупомянутом разделе, он занимался больше всего и прежде всего не местом, которое занимает новый историцизм в самой американской теории, а местом, которое занимает в современной теории вообще, тем более что – учитывая боснийскогерцеговинский контекст в котором находится и из которого пишет автор – ему новый историцизм не показался нужно и только частью американских литературоведческих событий, а прежде всего более широким явлением современной теории, сегментом более широких теоретических воззрений и процессов, так что в этом контексте их обсуждал и рассматривал.

Литература и культура истории в югославском социализме: Литературно-теоретический и литературно-исторический модели исследования (С просмотром случая произведения “Djelidba” С. Куленовича и рецепции произведения) – первое очерковое исследование из новоисторической практики в книге, касающееся в основном все еще минимально исследованной боснийскогерцеговинской литературной и совокупной культурной обстановки непосредственно после Второй мировой войны и в годы после нее, когда литература, как и культура в целом в общественных рамках югославского социализма имела, правда, привилегированный статус, но, одновремен-

но, имела и определенные идеологически ангажированные обязанности и должности. Похожую позицию, между прочим, занимало и литературоведение, у которого, как правило, существовала возможность – либо прислушиваться, предугадывать и оставаться верным политическим директивам югославского послевоенного режима и его общества – либо, если не могло согласиться с ролью партийного средства массовой информации и цензора, находить пути и способы уклонения от общественных требований и заданий, на самом деле, осцилировать между собственными научными и сходными уверениями и публичными, государственными, официальными убеждениями – что и определило интересы настоящего раздела исследования. В настоящей работе автор поэтому и занимается изучением скандального случая рецепции драматического произведения, пьесы, Скендера Куленовича *Djelidba* (1947), которая после первой постановки на сцене сегодняшнего Национального театра в Сараево в феврале месяце 1948 года, сразу была снята с репертуара из-за своей – как верилось – идеологической неблагонадежности, на что, однако, тогдашняя, но и позднейшая боснийскогерцеговинская и югославская литературная наука отреагировала очень интересным и значительным способом. В работе автор обсуждает и эти ответы и, вместе с тем, рассматривает саму пьесу Куленовича, учитывая и ее другую версию, из 1957 года.

Затруднения с каноном: Случай боснийской и/или босняцкой литературной истории (На примере обстановок и характера ранней работы над каноном М. Бегича) – второе очерковое исследование из новоисторической практики в книге, в котором автор обсуждает другую, хотя с предыдущей – тесно связанную и очень близкую проблему: совокупность обстоятельств и особенности самого начала современной канонизации боснийскогерцеговинской и/или босняцкой литературы, процесс, происходящий так же в особых условиях югославского социализма, начавшийся в конце шестидесятых – начале семидесятых годов XX века, при чем, к сожалению, остался незаконченным до сегодняшнего дня. Несмотря на безоговорочную веру в литературную историю в боснийскогерцеговинском литературном академическом круге, ни по сегодняшний день вопросы литературы и литературной жизни Боснии и Герцеговины научно не обсуждены в рамках некоей целостной истории литературы, а это относится и к истории литературы босняков, боснийских хорватов и боснийских сербов, на самом деле касается реального фактора, задающего

ряд вопросов: существует ли и как существует боснийскогерцеговинская литература, в каком отношении находится она к босняцкой, боснийско-хорватской и боснийско-сербской литературам, так же и к хорватской и сербской литературам вообще и т. д., хотя и обратные вопросы полностью возможны: существуют ли и каким образом, например, босняцкая, боснийско-хорватская и боснийско-сербская литературы и какого тогда их отношение к боснийскогерцеговинской литературе, с одной стороны и, вообще, к хорватской и сербской литературам, с другой стороны. А на таком основании появляется еще один вопрос: возможна ли и нужна ли и, если да – то почему – история босняцкой, боснийско-хорватской и боснийско-сербской, так же и боснийскогерцеговинской литератур, какой она (эта история) должна быть, что, все вместе является предпосылкой основной дилеммы: Существует ли, в условиях несуществования письменной целостной истории любой из вышеупомянутых литератур в рамках Боснии и Герцеговины, какой-либо литературный канон, которого можно связывать с некоторыми из боснийскогерцеговинских литературных уровней? Боснийскогерцеговинское литературоведение, с каждым поколением своих дитературоведов, в течение нескольких десятилетий пытались ответить на эти вопросы, которые никогда не были полностью одинаковыми, хотя, конечно, можно обнаружить и много совпадений. Все это казалось автору очень интересным и, конечно, важным со сегодняшней точки зрения, особенно обсуждение проблематики и вопроса существования босняцкой литературы и ее отношения к боснийскогерцеговинской, боснийско-хорватской и боснийско-сербской, и шире, к хорватской и сербской литературам. Именно проблемой конституирования и характера потенциального боснийскогерцеговинского и/или босняцкого канона, рассматриваемого по отношению к соседним “со-канонам”, учитывая и очень сложные обстоятельства югославского социализма, занимался автор во втором очерковом новоисторическом исследовании в данной книге, касающемся, в частности, ранней работы над канонем Мидхата Бегича, являющимся одним из основопологателей современного процесса канонизации здешней литературы.

Indeks važnijih imena

A

Agić, Nihad 12
 Althusser, Louis 31–33, 38, 57–58, 60,
 74, 84, 180
 Andrić, Ivo 139, 157, 166
 Arac, Jonathan 29, 33
 Aristotel 94
 Arnold, Matthew 52, 93

B

Balvanović, Vladimir 132
 Bann, Stephen 33
 Barthes, Roland 38, 50
 Bassler, Moritz 27, 180
 Batušić, Nikola 147, 185
 Baudelaire, Charles 172
 Beauvoir, Simone de 64
 Begić, Midhat 18–20, 132, 150–155,
 158–176, 185, 187–189, 193, 197, 202
 Belsey, Catherine 47, 88–89, 96, 180
 Bennett, William 45
 Bertens, Hans 11, 13–14, 30, 56, 93,
 179–180
 Biti, Vladimir 36, 38, 129, 131, 133,
 180, 185–187
 Blagojević, Desimir 138
 Bloom, Harold 76
 Bogdanović, Milan 139
 Bogićević, Miodrag 130, 132, 140, 143–
 144, 160–161, 166, 169–171, 185–186,
 188
 Bonney, William 49, 180
 Bourdieu, Pierre 81–82, 85, 105
 Brannigan, John 17, 31, 40–41, 43, 107,
 112–114, 124, 179–180

Brooks, Peter 75, 180
 Brooks, Van Wick 34
 Butler, Judith 63
 Buturović, Đenana 153

C

Certeau, Michael de 81–82, 85
 Chakrabarty, Dipesh 111, 180
 Chakravorty Spivak, Gayatri 33
 Colebrook, Claire 17, 82, 98, 100, 104,
 112–113, 124, 179–180
 Crews, Frederick 77
 Cuddon, John Anthony 36, 180
 Culler, Jonathan 35, 48, 69, 122, 180–181

Č

Čerkez, Vladimir 138

Ć

Ćopić, Branko 138

D

Derrida, Jacques 38, 50, 55, 61, 69–73,
 75, 81, 85–87, 100, 105
 Dickens, Charles 29
 Dilthey, Wilhelm 34
 Dizdar, Hamid 157
 Dizdar, Mak 157, 166
 Dollimore, Jonathan 47, 181
 Douglas, Marry 99, 105
 Drakakis, John 47, 180–182, 184
 Droysen, Johann Gustav 133
 Dukić, Davor 132, 186
 Duraković, Enes 12, 134, 153, 166,
 174–176, 186, 188

DŽ

Džakula, Branko 132
Džumhur, Zuko 146

Đ

Đoković, Milan 148
Đuričković, Dejan 153

E

Eagleton, Terry 11, 13, 30, 48, 52, 59,
67–69, 71, 73, 77, 93–94, 179, 181
Engels, Friedrich 58

F

Felbabov, Vladislava 31, 43, 181
Ferguson, Margaret W. 33
Filandra, Šaćir 164, 174, 188
Filipović, Muhamed 159–160, 172–173,
188
Filipović, Rasim 138
Finci, Eli 143, 146–147, 186
Fineman, Joel 29, 33
Fish, Stanley 33
Focht, Ivan 132
Fogl, Ivan 132, 161, 188
Forster, Edward Morgan 31, 181
Foucault, Michel 31, 38–39, 63, 81–82,
85–89, 95–100, 105, 181
Fox-Genovese, Elizabeth 33
Franco, Jean 33
Frow, John 94

G

Gallagher, Catherine 31–33, 35–37, 39,
41, 45, 74, 77, 108–111, 115–120, 124,
181, 184
Gallop, Jane 111, 181
Garber, Marjorie 33, 111, 181
Geertz, Clifford 31, 36–37, 82, 85, 95, 97–
–105, 108, 122, 181

Gilbert, Sandra 64, 181
Glišić, Slobodanka 98
Goldberg, Jonathan 33
Graff, Gerald 33
Gramsci, Antonio 58, 74, 181
Greenblatt, Stephen 12, 20–21, 27, 29,
31–37, 39, 41, 60–61, 67, 71, 74, 76–77,
83, 90, 102, 106–111, 113–120, 123–124,
133, 155, 164, 179, 181–182, 184, 188
Gross, Mirjana 26, 82, 182
Gubar, Susan 64, 181

H

Hall, Anne D. 75–76, 182
Hall, Stuart 93
Hameršak, Filip 35
Hameršak, Marijana 35
Harlow Barbara 111, 182
Harris, Wendell V. 50, 182
Hartman, Geoffrey 33, 76
Hawthorn, Jeremy 36, 70, 182
Helgerson, Richard 33
Hirsch, Eric Donald Jr. 50–51, 77, 83,
182
Horozović, Irfan 131
Howard, Jean E. 33
Hromadžić, Ahmet 165–166, 188
Humo, Hamza 138
Hunt, Lynn 82
Husserl, Edmund 49
Hutcheon, Linda 30, 80–81, 83–85, 182

I

Ibrahimović, Nedžad 153, 188
Ibrišimović, Nedžad 131
Imamović, Mustafa 161, 188
Isaković, Alija 153, 174, 188

J

Jameson, Fredric 33, 75, 77, 182

Jauss, Hans Robert 50
 Jenkins, Keith 82, 182

K

Kafka, Franz 70
 Kapidžić-Osmanagić, Hanifa 132
 Karahasan, Dževad 131
 Kastan, David Scott 33
 Kavanagh, James H. 47, 182
 Kecmanović, Ilija 132, 190
 Klajn, Hugo 143, 186
 Klancher, John 29, 33
 Kočić, Petar 169
 Kodrić, Sanjin O. 55, 182
 Koljević, Nikola 132
 Koljević, Svetozar 132
 Koroman, Veselko 164, 189
 Kosić, Vaso 134, 146
 Kosofsky Sedgwick, Eve 63, 111, 182
 Kovač, Nikola 132–133
 Kovač, Zvonko 175, 189
 Kramarić, Zlatko 180, 183
 Krieger, Murray 35, 83, 182
 Krleža, Miroslav 139
 Krnjević, Vuk 161, 189
 Kulenović, Hakija 146
 Kulenović, Skender 18–19, 129, 131,
 134–136, 138–150, 169, 185–186, 193,
 197, 201–202
 Kulenović, Tvrtko 132

L

Lacan, Jacques 32, 39, 57
 LaCapra, Dominick 11, 13–14, 81–82,
 85, 179
 Lamont, Michèle 69, 182
 Leavis, Frank R. 93
 Lentricchia, Frank 33, 50, 54, 77, 83, 182
 Lenjin, Vladimir Iljič 58–59
 Leovac, Slavko 132

Lešić, Josip 135–139, 143, 145–150,
 153, 186
 Lešić, Zdenko 16–17, 19, 26, 28–31, 43,
 77, 132–134, 151, 153, 179, 182–183,
 186, 189
 Lodge, David 182
 Lotman, Jurij Mihailovič 40, 48
 Lovrenović, Ivan 189–190
 Lukács, György 59
 Lyotard, Jean-François 81

M

Macherey, Pierre 60, 63, 90, 182
 Maglajlić, Munib 153
 Magny, Claude-Edmonde 172
 Mailer, Norman 29
 Makaryk, Irena R. 36, 180, 182, 184
 Maksimović, Desanka 139
 Maksimović, Vojislav 132, 189–190
 Man, Paul de 33, 39, 76
 Marcus, Jane 33
 Marcus, Leah 33
 Marković, Marko 188, 190
 Marlowe, Christopher 107
 Martinović, Juraj 130, 132, 140, 160, 186
 Marx, Karl 57–58, 72
 Mataga, Vojislav 131, 186
 Mažar, Drago 138
 McCannels, Michael 34–35
 McCoy, Richard 33
 McGann, Jerome 33
 Mead, George Herbert 101
 Michaels, Walter Benn 33
 Mićanović, Slavko 140–142, 148–149, 186
 Milanović, Branko 132
 Milanja, Cvjetko 129, 186
 Milićević, Nika 148
 Miller, D. A. 33
 Miller, J. Hillis 45–47, 49, 76, 182
 Millett, Kate 62, 98, 182
 Moi, Toril 63, 182

Montrose, Louis A. 28–30, 33–34, 36–37, 44–45, 74, 77, 110–111, 115, 119–120, 122–124, 133, 182, 186
Moore, Jerry D. 98, 182
More, Thomas 29, 107
Mujezinović, Ismet 138
Mullaney, Steven 33
Musabegović, Jasmina 131
Muzaferija, Gordana 137, 153, 186–187
Myers, David G. 76–78, 110, 182

N

Nazečić, Salko 132, 156–157, 188–190
Newton, Judith Lowder 33–34, 182
Norris, Christopher 47, 69, 182
Nuhić, Muhamed 161, 189
Nünning, Ansgar 36, 182

O

Oljača, Mladen 161, 189
Orgel, Stephen 33

P

Parrington, Vernon L. 34
Patterson, Annabel 33
Pavlović, Luka 132
Payne, Michael 27, 114–115, 120, 124, 184
Pechter, Edward 36
Pecora, Vincent P. 29, 33
Petković, Novica 132, 160, 165, 189
Petrović, Emil 134, 138
Pieters, Jürgen 17, 40, 179, 184
Poulet, Georges 49
Prohić, Kasim 132, 153, 189–190

R

Ramić, Rizo 132
Ranke, Leopold von 34
Richards, Ivor Armstrong 53, 184
Rivkin, Julie 29, 181, 184

Rizvanbegović, Fahrudin 12, 153, 188
Rizvić, Muhsin 132, 152–153, 174, 189
Robbins, Ruth 66, 184
Rose, Jacqueline 47, 184
Ryan, Kiernan 17, 27, 40, 179
Ryan, Michael 29, 181, 184

S

Said, Edward W. 33, 39, 98
Samokovlija, Isak 135, 187
Schaeffer, John D. 33
Schlesinger, Arthur 29
Secchi, Gustavo P. 27, 184
Selimović, Meša 131–132, 162, 166, 188–189
Senker, Boris 137–138, 187
Shakespeare, William 29, 107, 183
Shea, Victor 34, 184
Showalter, Elaine 64
Sijarić, Ćamil 131
Sinfield, Alan 47, 63, 181, 184
Smith, Barbara 66
Spenser, Edmund 107
Staiger, Emil 49
Stallybrass, Peter 33
Stojanović, Velimir 132
Strier, Richard 107, 184
Sušić, Derviš 131, 134

Š

Šamić, Midhat 132
Šarčević, Abdulah 132
Šporer, David 17, 31, 33, 40, 43, 179, 184

T

Tahmišćić, Husein 132
Taine, Hyppolite 39
Tennenhouse, Leonard 33
Terdiman, Richard 29, 33
Thomas, Brook 33–34, 184

Tito, Josip Broz 139–141, 144, 187

Traub, Valerie 33

Trifković, Risto 132, 160–161, 165–168,
189

Túry, György 49

Tylor, Edward Burnett 93

Tyndale, William 107

U

Ustamujić, Elbisa 174

Užarević, Josip 131

V

Veseer, H. Aram 17, 27, 29–31, 33–35,
37, 40, 43, 111, 113, 123–124, 179–184,
186–187

Vučinić, Drago 138

Vučković, Radovan 132, 153, 160, 165–
–169, 189–190

Vučković, Tihomir 50

W

Watson, George 77

White, Allon 33

White, Hayden 33, 81–82, 85, 121, 124,
184

Williams, Raymond 28, 31, 56, 58, 74,
81, 98, 184

Wyatt, Thomas 107

Z

Zogović, Radovan 137, 139

Ž

Žižek, Slavoj 39